

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

РОМАН

Владимир Великий

Любовь и ненависть

«Автор»

2026

Великий В.

Любовь и ненависть / В. Великий — «Автор», 2026

«Любовь и ненависть» — это история о несчастной любви, человеческой жестокости и цене, которую приходится платить за ненависть. Роман заставляет задуматься о том, можно ли разрушить чужую судьбу и при этом сохранить собственную — и что остаётся человеку, когда месть становится смыслом всей его жизни.

© Великий В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Великий

Любовь и ненависть

Владимир Великий

Любовь и ненависть

Роман

Штутгарт

2026

Штутгарт / 2026 / Авторское издание

Роман

Печатается в авторской редакции

Великий Владимир

Любовь и ненависть. Штутгарт: Авторское издание. 2026. – 315 с.

ISBN 978-3-00-084965-7

«Любовь и ненависть» — это история о несчастной любви, человеческой жестокости и цене, которую приходится платить за ненависть. Роман заставляет задуматься о том, можно ли разрушить чужую судьбу и при этом сохранить собственную — и что остаётся человеку, когда месть становится смыслом всей его жизни.

Владимир Великий

Авторское издание

Штутгарт - 2026

© Владимир Великий, 2026

Все права принадлежат автору. Без письменного разрешения автора воспроизведение книги или ее частей в любой форме запрещено.

ISBN 978-3-00-084965-7

С о д е р ж а н и е

Глава первая

На пути в иной мир.....

Глава вторая

Перекасти-поле.....

Глава третья

Сад, который не расцвел.....

Глава четвертая

Пленники собственного выбора.....

Глава пятая

Карьера, которой не стало.....

Глава шестая

Враги в собственном доме.....

Глава седьмая

Двое на разных берегах.....

Из жизни автора.....

Глава первая

На пути в иной мир

Дождь моросил с самого утра.

Он начался в ту минуту, когда из забытой Богом сибирской деревушки с простым русским названием Степановка медленно выкатилась старая телега. В нее была запряжена дряхлая лошадь неопределенной масти — то ли рыжей, то ли выгоревшей от времени до красноватого оттенка. Ее впалые бока, потускневшая грива и усталый взгляд говорили о долгой жизни, наполненной тяжелой работой и скудным кормом.

Лошадь словно была отражением своих хозяев.

На телеге сидели двое стариков — мужчина и женщина. Оба давно переступили возраст, когда человек строит планы. Их лица избородили глубокие морщины, руки стали жилистыми и сухими, а глаза смотрели на мир спокойно, словно уже ничему не

удивлялись. Они были почти ровесниками и прожили одинаково нелегкую жизнь, хотя знали друг о друге удивительно мало.

В Степановке это давно стало обычным.

Когда-то деревня жила полной жизнью. Весной над полями гремели тракторы, на ферме мычали коровы, в школьном дворе звенели детские голоса. По вечерам молодежь собиралась у клуба, играла гармонь, устраивались танцы, шумели свадьбы. Почти в

каждом дворе появились мотоциклы, а из открытых окон домов звучала музыка.

Казалось, так будет всегда.

Но годы оказались сильнее человеческих надежд.

Молодежь уехала в города. Закрылась школа. Опустела ферма.

Заросли поля. Один за другим заколачивались дома. Теперь лишь ветер свободно гулял по пустым улицам, да из десятка оставшихся изб по вечерам поднимался жидкий дым.

Особым местом для жителей был старый яблоневый сад.

Его посадили в честь двадцатилетия Победы. Каждую весну сюда приходила вся деревня — от малышей до седых ветеранов. Здесь вспоминали почти полсотни земляков, не вернувшихся с войны. Их имена были известны каждому ребенку.

Теперь сад тоже старел.

Многие деревья давно высохли, другие еще продолжали цвести

каждую весну, словно не желали мириться с человеческим забвением.

Дождь тихо барабанил по телеге.

Михаил Носков молча правил лошадей. Говорить не хотелось.

Да и о чем?

Когда-то после окончания восьмилетки он, как и многие деревенские ребята, мечтал покорить город. Выучился на каменщика, несколько лет строил дома, надеялся получить квартиру, создать семью, начать новую жизнь.

Но город оказался равнодушным.

Квартира так и осталась обещанием, семья не сложилась, и Михаил вернулся в родную Степановку. Здесь прошла почти вся его жизнь — тихая, тяжелая и небогатая. Он честно работал, растил детей, но большого достатка так и не нажил.

О женщине, сидевшей рядом, он почти ничего не знал.

Впрочем, как и остальные жители деревни.

Ее звали Ирина Сорокоумова. Несколько лет назад она приехала к своей давней подруге Валентине Курносовой. Где и когда они познакомились — никто толком не знал. Да и сами женщины никогда об этом не рассказывали.

После смерти Валентининого отца они поселились вместе в старом покосившемся доме.

Очень быстро стали друг другу почти родными.

В магазин ходили вдвоем.

Вместе носили воду.

Вместе собирали ягоды и грибы.

Летом часами сидели на старенькой лавочке возле покосившихся ворот, встречая закаты и вспоминая прожитую жизнь. Зимой сообща разгребали снег, чтобы можно было выбраться к дороге.

На большее сил уже не было.

Особенно тяжело приходилось зимой.

Пенсий едва хватало на продукты и лекарства. Купить машину дров было настоящей роскошью, а нанять кого-нибудь, чтобы распилить и расколоть поленья, женщины даже не мечтали.

Спасались как могли.

Топили печь старой мебелью, сломанными досками, иногда и тем, что оставалось после разрушенных построек односельчан, убежавших в город. По ночам спали вдвоем на старой панцирной

кровати, согревая друг друга собственным теплом.

И все же прошлой зимой судьба неожиданно улыбнулась им.

На окраине деревни пустовал крепкий дом с большим огородом.

Весной туда приехал новый хозяин — высокий крепкий мужчина лет сорока пяти. Он оказался майором запаса Владимиром Ивановичем Черкасовым. Говорил спокойно, уверенно, без лишних слов. Рассказал, что много лет прослужил на Севере, а теперь решил обосноваться в деревне.

Сначала приехал на новеньком «Москвиче», а через неделю пригнал грузовик с досками, инструментами и строительными материалами.

Работа закипела.
Черкасов быстро привел участок в порядок и постепенно начал
восстанавливать старый дом.
Старушки сразу прониклись к нему уважением.
Во время знакомства они лишь вскользь пожаловались на
трудности с дровами.
Через несколько дней к их двору подъехал грузовик.
Владимир Иванович привез целую машину сухостоя.
Сам распилил бревна.
Сам расколол их.
Сам аккуратно сложил поленницу.
За работу не взял ни копейки, хотя женщины долго уговаривали
принять хотя бы деньги или бутылку домашнего самогона.
Он только улыбнулся.
— Оставьте... Вам самим нужнее.
Для двух старушек этот человек стал почти родным.
Но счастье оказалось недолгим.
Летом Черкасов поехал в Омск за женой и дочерью. Хотел показать
им новый дом, перевезти вещи и окончательно перебраться в
Степановку.
Вернулся через несколько дней.
И замер.
От недавно отремонтированного дома почти ничего не осталось.
Черные обгоревшие стены, груды головешек и тяжелый запах
пожарища.
Кто-то умышленно сжег его жилье.
Вся деревня говорила о поджоге.
Но никто ничего не видел.
Или не хотел видеть.
Когда Курносова и Сорокоумова подошли к пепелищу, Владимир
Иванович встретил их неожиданно спокойно.
Обнял обеих и тихо сказал:
— Не переживайте... Я их найду. От разведчика еще никто не
уходил.
Валентина перекрестилась.
— Мы в этом не сомневаемся, Владимир Иванович... Я только
думаю...
Она осеклась.
Никого обвинять не хотелось.
Да и страшно было.
Год назад неизвестные разгромили пустующую кирпичную школу: выбили окна, перело-
мали парты, уничтожили все, что еще можно
было сохранить.
Зло постепенно становилось привычным.
Черкасов отвел жену и дочь в сторону. Они недолго посоветовались, после чего он открыл
багажник машины.
Из него появились два больших картонных ящика.
Консервы, крупы, сахар, масло, сладости, соки...
Он молча поставил их перед старушками.

Женщины долго благодарили семью, смущенно вытирая слезы уголками платков.

Таких запасов продуктов они не видели уже много лет.

Когда автомобиль медленно покатился прочь, они еще долго стояли на дороге и смотрели ему вслед.

Больше майор запаса Владимир Иванович Черкасов в Степановку не возвращался.

Прошел год.

Потом второй.

На месте его несбывшейся мечты так и остался черный обугленный остов дома — молчаливый памятник человеческой зависти и гибели деревни, которая еще была жива, но уже медленно превращалась в собственный призрак.

Жизнь Ирины Сорокоумовой в затерянной среди сибирской тайги Степановке день за днем убеждала ее в страшной мысли: умирала не только деревня — умирал привычный уклад жизни, умирала вера людей в завтрашний день.

Когда она впервые приехала сюда, Степановка поразила ее.

Деревня напоминала кадры старой военной хроники: покосившиеся дома, провалившиеся крыши, пустые дворы, заросшие бурьяном улицы. В молодости Ирина не застала войны, но хорошо помнила документальные фильмы и фотографии

разрушенных городов. Только тогда люди жили надеждой. Они восстанавливали страну, строили дома, растили детей, мечтали о будущем.

Теперь же не было ни надежды, ни будущего.

Никто не строил новых домов. Никто не заводил скотину.

Пустовали сараи, сгнили изгороди, исчезли голоса коров и петухов, которые когда-то встречали каждое утро.

Каждый жил сам по себе.

Вернее — каждый просто пытался дожить.

Ирина ничем не отличалась от остальных. Сил не осталось ни физических, ни душевных. Жизнь словно медленно вытекала из нее, капля за каплей.

Да и откуда было взяться этим силам?

В деревне остались в основном старики. Государство давно забыло о них, а дети и внуки жили далеко. Лишь изредка летом кто-нибудь приезжал на день-другой — собрать ягоды, грибы или выкопать картошку. Потом машины снова исчезали в клубах пыли, увозя родственников обратно в города.

Старики снова оставались одни.

Держать хозяйство было невозможно. Даже несколько кур превращались в роскошь. На скромную пенсию, заработанную за сорок или пятьдесят лет тяжелого труда, едва хватало хлеба, сахара, крупы и лекарств. Летом жители еще оживали. Кто-то копался на огороде, кто-то медленно брел в лес за грибами и ягодами. Зимой жизнь почти замирала. Люди часами сидели у окон, наблюдая пустую дорогу в надежде увидеть хоть одного прохожего. Но дорога чаще всего оставалась безлюдной.

Осенью исчезло последнее, что еще связывало Степановку с ее

прошлым.

Бывший управляющий хозяйством Александр Петрович Никитин отправил на мясокомбинат двух последних бычков — жалкие остатки огромного когда-то животноводческого комплекса.

Провожая машину, он долго стоял молча, будто хоронил не животных, а всю свою жизнь.

Вскоре закрыли и сельский клуб.

Молодежи в деревне давно не осталось, а старикам, которым перевалило за семьдесят, было уже не до концертов и танцев.

Потом исчез и магазин.

Вот это стало настоящей бедой.

Без клуба можно прожить.

Без хлеба — нет.

Через несколько дней жители собрались и пошли к Никитину.

Когда-то его побаивались. Высокий, крепкий, требовательный, он не прощал пьянства и лени. Теперь же наказывать было некого — работы больше не существовало. Осталась только общая беда.

Через месяц вопрос удалось решить.

Раз в неделю в деревню приезжал небольшой зеленый фургон, удивительно похожий на армейскую санитарную машину. Старики

быстро окрестили его просто — «Санитарка».

Выбор товаров был невелик: хлеб, сахар, молоко, соль, крупа, мыло, спички.

Большого большинство жителей все равно позволить себе не могло.

Стирали белье вручную, в старых оцинкованных тазах. Советские стиральные машины давно вышли из строя. Телевизоры работали лишь в нескольких домах, да и те чаще молчали — денег на ремонт не было.

Холодильники тоже почти исчезли.

Да и хранить в них было особенно нечего.

Иногда сюда приезжали мастера — телевизионщики, электрики, механики.

Но обращаться к ним почти никто не решался.

Ремонт стоил дороже месячной пенсии.

Проблем добавляло электричество. Изношенные линии постоянно выходили из строя. Старые деревянные столбы падали от сильного ветра, провода рвались, и деревня на несколько дней, а иногда и недель, оставалась без света.

Но самым страшным становились природные бедствия.

Весенние паводки, лесные пожары или осенние ураганы надолго отрезали Степановку от внешнего мира. Районные власти только разводили руками, ожидая помощи из области. А люди ждали.

Терпели. Надеялись.

Молодой водитель «Санитарки», который одновременно был и продавцом, прекрасно понимал жизнь этих людей. Он никогда не привозил дорогих продуктов, потому что знал — их все равно никто не купит.

Каждый раз, уезжая из деревни, он невольно смотрел на старое кладбище, раскинувшееся всего в нескольких сотнях метров. Оно давно заросло высокой травой и бурьяном, ограды покосились, кресты почернели от времени.

Там лежал его армейский товарищ — афганец.
Молчание кучера было Ирине Сорокоумовой сейчас дороже любых разговоров.
Моросящий дождь почти перестал раздражать. Она плотнее натянула старенький дождевик, поджала ноги, пытаясь сохранить остатки тепла.
До дома престарелых в соседней деревне с громким названием «Путь коммунизма» оставалось около двадцати километров.
Она никогда там не была.
Никогда даже представить не могла, что именно там ей предстоит встретить последние годы своей жизни.
О доме инвалидов — так его чаще называли местные — ходили недобрые слухи. Совсем недавно арестовали директора и главного бухгалтера за хищение продуктов и махинации с документами.
Хорошего от нового пристанища никто не ждал.
Но выбора уже не существовало.
Еще месяц назад Ирина надеялась доживать век вместе с подругой Валентиной Курносовой.
Однако судьба распорядилась иначе.
У Валентины неожиданно объявился дальний родственник из Омска. Тяжело заболев, он пригласил женщину переехать к нему.
Возможно, перед смертью ему захотелось хоть чем-то искупить равнодушие прошлых лет.
Валентина предлагала Ирине остаться жить в ее доме.
Но Сорокоумова отказалась.
Она не хотела становиться обузой. Да и здоровье стремительно ухудшалось. Ноги почти перестали слушаться, а денег на лечение давно не было.
Неожиданную надежду принес приезд районного руководства.
Как и прежде, чиновники щедро раздавали обещания, которые редко меняли жизнь деревни. Но на этот раз Валентина сумела поговорить с заместителем главы администрации Андреем Жуковым.
Выяснилось, что его отец когда-то был знаком с одной из жительниц Степановки.
Услышав эту историю, Андрей неожиданно проникся судьбой старушек и пообещал помочь.
Свою давнюю историю знакомства с его отцом Валентина благоразумно оставила при себе.
Когда-то она была красивой студенткой, мечтавшей о счастливой жизни. Их роман закончился так же быстро, как и начался. Жена чиновника поставила мужу жесткий выбор: семья или любовница.
Он выбрал семью.
Прошлое осталось прошлым.
Ирина никогда не расспрашивала подругу о ее молодости.
У каждого человека были свои тайны.
Сейчас это уже не имело никакого значения.
Главное — ей нашлось место в доме престарелых.
Там хотя бы будут кормить.

А когда придет ее час, похоронят по-человечески.
Может быть, совсем рядом с деревней, которая по странной иронии судьбы до сих пор носила название «Путь коммунизма».
Телега мерно покачивалась на разбитой дороге.
Под тихий шелест дождя Ирина закрыла глаза, и память медленно унесла ее туда, где она была молодой, счастливой и еще не знала, какой долгой может оказаться человеческая жизнь.

Глава вторая Перекасти-поле

Ирина почти ничего не знала о собственном детстве. Уже став взрослой, она ни разу не пыталась расспросить родителей о том, как появилась на свет, какой была в первые годы жизни, чем отличалась от других детей. Да и сами отец с матерью не любили вспоминать прошлое, словно оно было книгой, которую лучше держать закрытой.
Лишь изредка, в минуты особой откровенности, они рассказывали дочери отдельные истории из своей молодости. Эти случайные воспоминания, обрывки чужой жизни, навсегда отпечатались в памяти Ирины. Из них постепенно складывалась картина прошлого — сурового, бедного и по-своему удивительного.
Ранним летним утром Михаил Сорокоумов возвращался с ночного выпаса. Позади остались заливные луга, влажная от росы трава и медленно бредущее стадо. Его верный конь Садко — никто уже и не помнил, почему жеребца когда-то так называли, — устало переступал по размытой дороге.
Когда до деревни оставалось совсем немного, небо вдруг почернело. Ветер пригнул высокую полынь, и почти сразу хлынул такой ливень, будто разверзлись небеса.
Через несколько минут единственная шоссейная дорога, соединявшая Усовку с районным центром, превратилась в вязкое месиво. Впрочем, и в сухую погоду назвать её дорогой язык поворачивался с трудом.
На сельских собраниях начальство не уставало говорить о её стратегической важности. Обещания звучали из года в год, но дальше разговоров дело не двигалось. Всего-то пять километров отделяли деревню от райцентра. Покрыть асфальтом — казалось бы, пустяк. Зато возле домов директора совхоза и секретаря парткома давно красовались аккуратные асфальтированные площадки.
Жители Усовки не скрывали своей неприязни к начальству. Новый директор совхоза Виктор Шиповалов появился здесь совсем недавно — молодой, чуть старше тридцати, с заметными залысинами и уверенными манерами человека, привыкшего командовать. Секретарь парторганизации Виталий Канарейкин был ещё моложе. Оба — приезжие.
В деревне судачили, что без знакомств и нужных связей в Советском Союзе таких должностей не получали. Так думали

многие. Так думал и Михаил Сорокоумов.

Впрочем, завидовать он не привык. Родители его всю жизнь перебивались случайными заработками. Таких людей в деревне называли перекасти-поле — без крепких корней, без достатка, без опоры. Нечем было похвастаться и его жене Людмиле: выросла она в такой же бедной семье.

Когда впереди показалась покосившаяся избушка Сорокоумовых, стоявшая на повороте дороги, Михаил заметил чёрную «Волгу»

ГАЗ-24.

Её появление его не удивило. Ещё издали, когда он треножил коня, машина мелькнула возле совхозного склада, где хранились лучшие

продукты хозяйства: свежее мясо, подсолнечное масло, мёд и всё то, что редко попадало на стол простых колхозников.

Каждый в Усовке прекрасно знал, что районное начальство навещается сюда не по служебной необходимости. Обычно сами большие начальники предпочитали не показываться — за «дефицитом» приезжали водители или доверенные люди.

Михаил ускорил шаг.

«Волга» лежала в придорожном кювете, глубоко увязнув в раскисшей земле. Видно было, что водитель не раз пытался выбраться самостоятельно: колёса вырыли глубокие борозды, грязь разлетелась во все стороны.

Рядом стоял молодой парень лет двадцати пяти. Он то хватался за голову, то с досадой сплёвывал себе под ноги.

Сорокоумов молча осмотрел машину, покачал головой и наконец произнёс:

— Крепко засел... Один точно не вытащишь.

Парень устало вытер мокрое лицо.

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Над полями уже пробивались первые солнечные лучи.

— Это уж точно, — тяжело вздохнул водитель. — Я ведь утром говорил начальнику: будет дождь. Не послушал. Отправил в такую глушь за мёдом. Жене, видите ли, свежего захотелось.

Михаил лишь понимающе усмехнулся.

Эту машину в районе знали многие. Она принадлежала первому секретарю райкома партии Александру Куликову. Кто именно сегодня сидел в автомобиле — сам секретарь или кто-то из его приближённых, Сорокоумова совершенно не интересовало.

Чужая жизнь волновала его куда меньше собственной.

Работа занимала почти всё его время. Летом — пастбища, зимой — ферма. А когда выдавался свободный вечер, он ложился на старенький диван, смотрел телевизор или просто спал. Книги Михаил не любил, считая их пустой забавой. Большого хозяйства они с Людмилой не держали. Детей тоже не было.

Иногда ему казалось, что жизнь течёт мимо, как вода в весеннем овраге: тихо, однообразно и без всякой надежды что-либо изменить.

После недолгого совещания мужчины пришли к неутешительному выводу: своими силами вытащить «Волгу» из глубокой канавы

невозможно. Даже жилистый пастух, привыкший к тяжёлой деревенской работе, здесь был бессилен. Оставалось искать помощь.

Однако надежды таяли с каждой минутой. В Усовке имелись два трактора «Беларусь», но оба оказались бесполезны. Один уже несколько недель стоял в ремонте, а второй был исправен, только тракториста не было. Пожилой механизатор вместе с больной женой уехал в районную поликлинику.

Михаил Сорокоумов во время учёбы в профессионально-техническом училище несколько раз сидел за рычагами трактора.

Но одно дело — осторожно вывести машину на учебное поле, и совсем другое — доверить себе дорогую начальственную «Волгу».

Если бы речь шла о телеге с дровами, прицепе с картошкой или застрявшей сенокосилке, он не раздумывал бы ни минуты. Здесь же цена ошибки была слишком высокой.

Неожиданно Михаил предложил свой план.

Николай, водитель «Волги», выслушал его без особого энтузиазма.

План казался рискованным, но другого выхода всё равно не было.

— Я скачу в Аксёново, — решительно сказал Михаил. — Попрошу помощи в совхозе. А ты оставайся здесь. Может, всё-таки повезёт, и какой-нибудь трактор появится.

Николай тяжело вздохнул и кивнул. Оставалось только ждать.

Пастух не ошибся.

Едва он выехал на своём верном Садко на дорогу, идущей из районного центра в его родную деревню, как позади раздался стремительно нарастающий рёв мощного двигателя. Через несколько секунд его лихо обогнал колесный трактор «Кировец» К-700.

За рулём сидел молодой парень — скорее всего, недавний выпускник местного училища. Он распахнул боковое окно, широко улыбнулся и, перекрывая грохот двигателя, весело прокричал: — Эй, деревня! Большой привет! Догоняй!

Сорокоумов лишь молча проводил взглядом удалявшийся трактор.

Он чуть привстал в стременах, крепче сжал поводья и невольно оскалился в улыбке. Отвечать не хотелось.

Деревенская жизнь давно перестала казаться ему родной. Она словно затягивала в трясику однообразных забот, из которой не было выхода.

Настоящей жизни он почти не видел.

С раннего утра и до позднего вечера Михаил пропадал на ферме.

Возил воду и корма, развозил силос, убирал навоз. Огромные кучи перегнившей органики возле скотных дворов были делом его рук — скотника Сорокоумова, которого в Усовке заслуженно считали одним из лучших животноводов.

Летом становилось немного легче. Совхозное стадо уходило на бескрайние сибирские пастбища. Коровы быстро набирали вес, дойные бурёнки исправно наполняли молоком тяжёлые вымя, а

вместе с ними облегло вонь вздыхали и пастухи.

Но и у этой работы были свои испытания.

После долгих часов в седле начинала нестерпимо ныть поясница, затекали ноги, а боль становилась такой привычной, что Михаил

время от времени спешил прямо посреди степи и делал несколько приседаний. Иногда помогало. Иногда — нет.

Солнце тоже не щадило пастуха. Оно день за днём выжигало кожу, покрывая лицо и руки густым бронзовым загаром. В особенно

жаркие годы зной превращался в настоящее бедствие.

Однажды засуха оказалась такой сильной, что трава почти полностью выгорела. Полсотни совхозных коров за считанные часы объедали редкую пожелтевшую растительность.

Тогда Михаил перегонял стадо к небольшому озеру Росинка. Его берега густо заросли камышом, а в воде ещё сохранялась сочная зелень. Здесь животные могли напиться, укрыться от палящего солнца и хоть ненадолго избавиться от полчищ комаров и злых паутов.

Но даже это спасение нередко оборачивалось новой бедой.

Местные жители вставали стеной.

Почти в каждом дворе держали собственную корову, овец или телят. Для них каждый клочок травы был на вес золота. Сено означало, переживёт ли хозяйство долгую сибирскую зиму.

Иногда сельчане подходили к Михаилу открыто, без всяких церемоний. Несмотря на его богатырский рост, они не стеснялись угрожать.

— Ещё раз загонишь совхозных коров на наши покосы — всех перекалечим! — кричали самые горячие.

Подобные слова тяжёлым грузом ложились на сердце пастуха. Он понимал и соседей, и руководство совхоза, но оказался между двух огней. Потерять работу он боялся больше всего, хотя заработка едва хватало, чтобы сводить концы с концами.

Не легче было и тогда, когда он пас частный скот. Здесь всё измерялось не молоком и не привесом. Чем больше взрослых коров в стаде, тем выше заработок. За телят и овец платили сущие копейки.

Размышляя обо всём этом, Сорокоумов почти не замечал дороги.

Внезапно солнце вырвалось из-за тяжёлых облаков и яркими лучами залило степь. Всё вокруг словно ожило. Золотом вспыхнули травы, заблестели лужицы в колеях, серебром засверкала грива Садко.

Михаил приподнялся в стременах, глубоко вдохнул тёплый воздух и невольно улыбнулся. Он поднял руку, будто приветствуя вечное светило, затем внимательно посмотрел вперёд.

И вдруг замер.

Вдали происходило что-то совершенно неожиданное.

Возле небольшого берёзового колка одиноко стояли трактор К-700 и знакомая чёрная «Волга». Место для остановки выбрали не случайно.

Прямо перед выездом из деревни находилось небольшое углубление — бывший котлован размером примерно пять на десять метров. Глубиной он был всего около метра, но в дождливые дни

превращался в мутный пруд. В засуху вода уходила не полностью, оставляя после себя вязкую грязь и белёсый соляной налёт по краям.

Когда-то районные начальники решили устроить здесь водопой для скота — как совхозного, так и личного. Начали рыть, вложили силы, технику, время...

А потом всё бросили. Вода оказалась слишком солёной и для животных почти непригодной.

Да и вообще с водой в деревне было непросто. Из местных колодцев её пить нельзя было ни людям, ни скотине. Питьевую воду привозили из районного центра Аксеново — её брали из Иртыша и после специальной очистки доставляли в село.

Михаил Сорокоумов слегка хлопнул ладонью по крупу своей лошади и направился к небольшому водоёму. Через несколько минут он уже был возле машины.

С коня он спрыгнул ловко, по-молодецки. Улыбнулся своей широкой, открытой улыбкой и весело проговорил:

— Привет городским! Вижу, без деревни всё равно не обходитесь...

Появление знакомого пастуха явно обрадовало мужчин, которые с усердием отмывали колёса «Волги» от грязи. Они почти сразу отложили тряпки, подошли к Михаилу и протянули руки.

Поздоровались тепло, по-сельски — без лишних слов.

Тракторист представился:

— Евгений.

Несколько минут мужчины разговаривали о пустяках: о дороге, о погоде, о хозяйстве. Михаил наблюдал за ними со стороны, потом посмотрел на часы, вспомнил о своих делах и собрался уезжать.

Он уже взялся за поводья, когда к нему подошёл Николай — водитель «Волги».

Он остановил коня, взял его под уздцы и отвёл немного в сторону.

Потом посмотрел на Михаила, улыбнулся и тихо сказал:

— Спасибо тебе огромное, земля... Если бы не твоя смекалка, я бы в этой глуши до белых комаров сидел.

Он похлопал Михаила по колену и добавил:

— Приезжай к нам в Белый дом. Там меня все знают. Посидим, поговорим... Может, и по сто граммов выпьем.

Предложение неожиданно сильно обрадовало Михаила.

За свои тридцать лет он так ни разу толком и не побывал в районном центре просто так — не по делу, не за покупками, не по хозяйственной необходимости. Не заходил в рестораны, не сидел за столом среди городских людей. Хотя приглашали его не раз.

Жадным Михаил никогда не был. Скорее наоборот — душа у него была простая и открытая. Но всю жизнь он жил осторожно, будто боялся сделать лишний шаг.

Они с Людмилой привыкли считать каждую копейку. Их главной мечтой был собственный дом — пусть небольшой, пусть даже вдвое меньше, чем у управляющего фермой. А ещё лучше — городская квартира.

Квартира казалась им почти раем.

Не нужно колоть дрова, таскать воду, топить печь, ждать, пока

растает снег для хозяйственных нужд. Не нужно каждую зиму чувствовать холод в пальцах от тяжёлых вёдер и саней. Городская жизнь представлялась им настоящим коммунизмом, о котором столько говорили в школе и по радио.

Детей Сорокоумовы заводить не спешили.

Причины были не случайные и не пустяковые.

Оба они выросли в больших семьях. У Михаила было четыре брата, у Людмилы — четыре сестры. Но за количеством детей в их домах не стояло ни достатка, ни заботы.

Обе семьи были бедными.

Родители Михаила и Людмилы никогда особенно не стремились к постоянной работе. Перебивались случайными заработками, а иногда, что греха таить, жили тем, что удавалось унести с чужого двора или склада.

На них писали протоколы, вызывали в сельсовет, проводили беседы. Но до суда дело почти никогда не доходило.

Власть рассуждала просто: если посадить родителей, кто будет заниматься детьми?

А дети тем временем росли сами.

Михаил и Людмила с малых лет познали все «прелести» такой жизни. Летом они собирали ягоды, грибы, ели всё, что давали лес и поле. В тяжёлые времена не брезговали даже молодой крапивой, которой возле домов росло столько, что она казалась настоящим зелёным ковром.

Может быть, именно поэтому они с юности решили жить иначе.

Не богато. Не красиво. Но честно.

Несмотря на тяжёлое детство, Михаил и Людмила не стали похожими на своих родителей.

Наверное, именно пережитая нужда заставила их ценить простые вещи: чистую одежду, порядок в доме, честно заработанную копейку, спокойный вечер без скандалов и тревог.

Когда им исполнилось по восемнадцать лет, они расписались в сельсовете.

Большой свадьбы не было. Ни денег, ни желания устраивать шумное торжество у молодых не имелось. Сделали небольшой стол, собрали самых близких. Часть расходов взял на себя совхоз — тогда так часто помогали молодым рабочим семьям.

Помогли и с жильём.

Им выделили небольшую избушку на краю деревни. До них там жила одинокая старушка. Домик был старенький, перекошенный, с низким потолком и маленькими окнами. Казалось, он вот-вот сдастся под напором времени.

Но старуха умерла, а родственников у неё, похоже, не осталось.

Никто не приехал ни за вещами, ни за наследством. Никто даже особенно не интересовался её похоронами.

Старая избушка оказалась никому не нужна.

Только Сорокоумовы увидели в ней не развалину, а начало своей семейной жизни.

Они въехали туда осторожно, словно временно. Каждый раз, когда

по дороге появлялась машина, Михаил невольно бросал взгляд в окно.

А вдруг кто-нибудь приедет?

А вдруг объявятся родственники старушки и скажут: «Уезжайте, это не ваше»?

Прошли годы, но привычка осталась.

Домик так и не стал для них полностью своим.

После свадьбы молодые взялись за ум. Правда, больших планов не строили.

Михаил не мечтал о должностях и карьере. Да и возможности для этого у него были невелики.

В школе он учился средне, с трудом окончил восемь классов.

Поступил в училище, но не закончил. В армию его не взяли — официальная причина была простой: плоскостопие.

Так получилось, что большую часть молодости он провёл рядом с животными.

Сначала помогал пастухам, потом сам стал пасти коров — совхозных и частных.

Работа была тяжёлая, но Михаила она устраивала.

В поле, вдали от начальства и лишних разговоров, он чувствовал себя свободнее. Он знал каждую корову в стаде, различал их по характеру, понимал поведение животных лучше, чем многих людей.

Людмила была другой.

В отличие от мужа, она хорошо училась. После восьмилетки поступила в профессионально-техническое училище и получила специальность швеи.

Правда, в деревне такая профессия официально почти не существовала.

Никто не открывал мастерских, никто не создавал ей рабочего места.

Но жизнь сама нашла ей работу.

У Людмилы появились клиенты.

Сначала одна женщина попросила подшить платье, потом другая принесла старый пиджак, который нужно было переделать. Потом пошли дети — кому-то укоротить брюки, кому-то сшить рубашку, кому-то починить зимнюю одежду.

Так постепенно Людмила стала единственной портнихой на всю округу.

Её старая машинка «Подольск» стояла у окна и почти никогда не остывала.

Машинка была древней, тяжёлой, скорее всего, ещё довоенного производства, но служила исправно.

Людмила умела всё.

Она могла перешить мужской пиджак, сделать из старого платья новое, сшить детские ползунки или простое бельё.

За работу брала не только деньги.

Кто-то приносил яйца, кто-то масло, кто-то муку, кто-то картошку.

Она не отказывалась.

Не потому, что была корыстной. Просто знала цену своему труду.
Ещё в школе им объясняли: человек должен работать, приносить пользу обществу. И она в это верила.
Единственное, чего Людмила никогда не брала, — самогон.
Она боялась.
Не столько самого напитка, сколько людских языков.
В деревне слухи распространялись быстрее ветра. Особенно среди тех, кому чужая удача или чужой достаток были неприятны.
Удивительно, но хозяйство Сорокоумовы почти не держали.
Ни коровы, ни свиньи, ни даже кур.
Многие считали это странным.
Какая же деревенская семья без хозяйства?
Но Михаил и Людмила понимали: домашняя живность — это не только продукты, но и ежедневные заботы.
А у них и без того была своя жизнь.
Михаилу часто давали молоко доярки. Иногда угощали и частники — особенно одинокие женщины, которым нравилось доброе слово и спокойный характер молодого пастуха.
В его старом солдатском вещмешке, подаренном одним офицером во время уборочной кампании в Усовке, почти всегда стояла небольшая банка.
То была его нехитрая деревенская «добыча».
Людмила тоже не сидела без дела.
Каждый день за её окном звучал знакомый стук швейной машинки.
И вот спустя десять лет совместной жизни впервые в их доме состоялся настоящий семейный совет.
До этого они жили сегодняшним днём.
Не строили больших планов, не мечтали о переменах.
А теперь всё изменилось.
Причиной стал один человек — Николай Крюков.
Водитель первого секретаря райкома партии.
Человек из другого мира.
Человек, который пригласил их в районный центр.
Сначала Сорокоумовы думали только о том, как отблагодарить его.
Подарок должен был быть достойным.
Но что они могли подарить?
Домашнего мяса не было.
Молока тоже не держали.
Кур — тем более.
Да и возиться с деревенскими гостинцами не хотелось.
После долгих размышлений они нашли решение.
Михаил отправился в магазин и купил целый ящик сгущённого молока.
Для деревни того времени это был почти настоящий подарок.
Дорого.
Необычно.
И главное — от души.
Когда он принёс покупку домой, Людмила посмотрела на банки и улыбнулась:

— Правильно сделал.
Сгущённое молоко любят все.
И дети.
И взрослые.
Поездка в районный центр Аксеново стала для Сорокоумовых событием, которое они потом вспоминали ещё долгие годы.
Они ехали туда не просто в гости.
Для них это был почти выход в другой мир.
Михаил надел лучший костюм, который давно висел в шкафу и доставался только по большим случаям. Людмила долго выбирала платье, несколько раз поправляла причёску, хотя прекрасно понимала: в районном центре никто не станет рассматривать её так внимательно, как в родной деревне.
Но для неё это был важный день.
Хотелось выглядеть достойно.
Хотелось, чтобы никто не подумал, будто приехали какие-то деревенские люди, случайно забредшие в город.
В тот день Николай Крюков, водитель первого секретаря райкома партии, оказался в гараже.
Большая часть руководства района находилась на совещании в Доме культуры — там проходил районный актив коммунистов.
Начальники отделов, председатели колхозов, директора предприятий и другие руководители были заняты важными разговорами о планах и показателях.
А гараж в это время жил своей обычной жизнью.
Водители коротали время за разговорами.
Крюков, увидев Сорокоумовых, искренне обрадовался.
Он давно знал Михаила как человека спокойного, надёжного и смекалистого.
Таких людей в деревне ценили.
— Ну, приехали всё-таки! — улыбнулся Николай. — А я думал, забудете.
Людмила протянула ему подарок.
Когда Крюков увидел ящик со сгущённым молоком, его лицо буквально просветлело.
Он даже немного смутился.
— Да вы что... Зачем так?
Но по голосу было понятно: подарок ему приятен.
Он знал цену таким вещам.
В те времена сгущённое молоко не лежало в каждом доме. Для многих оно оставалось маленьким праздником из детства.
— Это от нас, — сказала Людмила. — Просто так.
Крюков долго жал руку женщине и благодарил.
Оказалось, что его жена тоже очень любила сгущёнку.
Но настоящий сюрприз ждал его впереди.
Когда Михаил, немного волнуясь, предложил:
— Николай, может, посидим где-нибудь? В ресторан бы сходили...
Крюков сначала даже не поверил.
Он посмотрел на Михаила, потом на Людмилу.
— В ресторан?

— А что? — улыбнулся Михаил. — Раз приехали, так приехали.
Водитель первого секретаря широко улыбнулся.

Он не стал долго отказываться.

Быстро надел фуражку, попрощался с товарищами и вскоре уже выводил из гаража чёрную служебную «Волгу».

Через несколько минут машина отправилась в сторону ресторана «Сибиряк».

Для Сорокоумовых этот вечер был почти сказочным.

Они сидели среди городских людей, за настоящим ресторанным столом, слушали музыку, разговаривали, смеялись.

Михаил чувствовал себя необычно.

Ещё вчера он был обычным сельским пастухом, человеком, которого многие знали только по работе.

А сегодня он сидел рядом с водителем главного начальника целого района.

Человеком, которого уважали и которому уступали дорогу.

Людмила тоже старалась держаться уверенно.

Она внимательно смотрела вокруг, запоминала детали: белые скатерти, официантов, посуду, разговоры за соседними столиками.

Ей хотелось сохранить в памяти каждую мелочь.

К вечеру настроение стало ещё веселее.

Когда солнце уже клонилось к закату, чёрная «Волга» медленно ехала по разбитой грунтовой дороге обратно в Усовку.

На заднем сиденье находились Сорокоумовы.

Они были счастливы.

Михаил и Людмила то и дело хлопали Николая по плечу, смеялись, что-то рассказывали, перебивали друг друга.

Наверное, немного переигрывали.

Но делали это не случайно.

Им хотелось, чтобы их увидели.

Чтобы деревня заметила.

Чтобы те самые люди, которые ещё вчера смотрели на них как на обычных сельских жителей, сегодня увидели рядом с ними настоящую служебную машину.

«Волгу».

Машину власти.

Машину, перед которой в те годы невольно выпрямляли спину.

Жители деревни, встречая автомобиль, махали руками, кивали, некоторые даже снимали шапки.

Не потому, что знали Николая.

А потому, что знали: в этой машине сидят люди, связанные с районным начальством.

А с начальством тогда лучше было иметь хорошие отношения.

Прошёл месяц.

И жизнь Сорокоумовых изменилась так резко, что они сами ещё долго не могли в это поверить.

Они переехали в Аксеново.

В один день исчезла старая избушка с покосившимися стенами, исчезли страхи перед случайными родственниками умершей

хозяйки, исчезла привычная деревенская бедность.
Они получили то, о чём мечтали долгие годы.
Квартиру.
Настоящую городскую квартиру.
Двухкомнатную.
В пятиэтажном доме.
С водопроводом.
С ванной.
С центральным отоплением.
Для Сорокоумовых это казалось почти чудом.
В первый вечер Михаил долго стоял возле крана и просто смотрел, как из него течёт вода.
Не нужно идти с вёдрами.
Не нужно ждать машину.
Не нужно растапливать печь.
Повернул ручку — и вода есть.
Людмила тоже ходила по квартире с улыбкой.
Она открывала шкафчики, смотрела на ровные стены, гладила
рукой подоконник.
Всё это казалось им чужим.
Но теперь это было их.
Через несколько дней они устроились на работу.
Людмила пошла на трикотажную фабрику уборщицей.
Работа не была престижной, но для неё это был шаг в новую жизнь.
Она получала стабильную зарплату, имела трудовую книжку, ходила каждый день на
предприятие.
Михаил устроился подсобным рабочим в продуктовый магазин.
Хотя ему предлагали место на мебельной фабрике с более высокой
зарплатой, он отказался.
Его пугал шум станков, постоянный гул оборудования, запах
древесной пыли.
Он привык к простому труду.
Поднести мешки.
Разгрузить товар.
Помочь продавцам.
Это было понятно и знакомо.
Кроме того, в магазине ему нравилось другое.
Там были люди.
Разговоры.
Движение.
А ещё две продавщицы — женщины примерно его возраста, немного старше, — относи-
лись к нему с теплотой.
Иногда могли налить сто граммов после работы.
Иногда поставить на стол небольшую бутылку.
Но Михаил был осторожен.
На работе он никогда не пил.
Он слишком дорожил своим новым положением.
Теперь у него было имя.
Квартира.
Городская прописка.

Работа.

Он понимал: один неверный шаг — и всё может исчезнуть.

А главное — у него появилась новая цель.

Стать членом партии.

Через два года Михаил Сорокоумов добился того, о чём ещё недавно даже не думал.

Он вступил в КПСС.

Организацию, которая тогда считалась умом, честью и совестью эпохи.

Конечно, без помощи Николая Крюкова это было бы намного сложнее.

Но времена менялись.

Партии нужны были новые люди.

Не только руководители и специалисты.

Нужны были представители простого народа — рабочие, крестьяне, люди «из низов».

Михаил подходил.

Он был спокойным.

Работающим.

Без громких амбиций.

И главное — своим человеком.

Через год после переезда в семье Сорокоумовых произошло ещё одно событие.

У них родился ребёнок.

Дочь.

Первый настоящий семейный праздник за много лет.

Они называли её Ириной.

И, глядя на маленькую девочку, Михаил и Людмила впервые подумали о будущем не со страхом, а с надеждой.

Им казалось, что теперь всё будет иначе.

Что прошлое осталось далеко — в той старой деревенской избушке, возле берёзового колка, где когда-то стояли трактор К-700 и чёрная «Волга».

Но жизнь редко идёт только по прямой дороге.

Иногда именно в тот момент, когда человек уверен, что нашёл своё место, судьба готовит ему новый поворот.

Глава третья

Сад, который не расцвел

Училась Ирина Сорокоумова без особого старания. Не потому, что была неспособной, — просто не видела смысла забивать голову тем, что считала ненужным. История, литература, обществознание давались ей легко, а вот математика, физика и химия казались чужим, холодным миром, в котором не находилось места ни чувствам, ни воображению.

Особенно тяжело складывались отношения с учительницей математики. Та никогда не позволяла себе поднять руку на ученицу, но каждое неверное решение встречала таким суровым взглядом и такими резкими словами, что Ирина невольно

сжималась. Иногда девочка ловила себя на мысли: откуда у этой пожилой женщины, прошедшей Великую Отечественную войну, столько железной выдержки и требовательности? Казалось, она не знала жалости ни к себе, ни к своим ученикам.

Дома всё было иначе. Родители почти не обращали внимания на очередные двойки и тройки по математике. Они не ругали дочь, но и не пытались ей помочь. Такое равнодушие Ирина объясняла просто: наверное, сами мало учились и ничего не понимают. Она ошибалась.

Однажды, оставшись дома одна, Ирина решила навести порядок в письменном столе отца. Под кипой старых бумаг она заметила плотный конверт. Любопытство оказалось сильнее осторожности. Внутри лежали аккуратно сложенные копии документов. Из одной справки следовало, что отец окончил строительный техникум, из другой — что мать получила образование в кооперативном техникуме. Ирина успела прочитать лишь первые строки. Что было написано дальше, она так и не узнала.

В дверях бесшумно появился отец.

Высокий, широкоплечий мужчина молча смотрел на дочь. Ни крика, ни упрёка. Только тяжёлый взгляд и едва заметное покачивание головой. Этого оказалось достаточно.

Ирина поспешно спрятала бумаги обратно, задвинула ящик стола и, не сказав ни слова, вышла из комнаты.

Так они и жили — почти без слов. Казалось, в этом доме давно поселилась тишина, за которой скрывалось всё: обиды, недосказанность, усталость. Родители редко разговаривали друг с

другом, и холод, разделявший их, незаметно окружал и дочь.

Каждый жил своей жизнью под одной крышей.

И всё же было бы несправедливо сказать, что родители её не любили. Они не умели говорить о своих чувствах, зато по-своему заботились о ней.

Особенно это стало заметно, когда Ирина перешла в восьмой класс.

Семья получила просторную трёхкомнатную квартиру в новой пятиэтажке неподалёку от автовокзала. Для небольшого районного центра Аксёново это считалось настоящей удачей.

Изменилось и положение отца. Он становился всё более заметной фигурой в районе. Сначала работал в профессионально-техническом училище, а затем перешёл в большое четырёхэтажное

административное здание, которое местные жители между собой называли Белым домом. Чем именно он там занимался, Ирина не знала. Да, признаться, никогда особенно и не интересовалась.

Мать, Людмила, трудилась на трикотажной фабрике. О её должности дочь тоже почти ничего не знала. Но один факт говорил сам за себя.

Каждое утро и почти каждый вечер к их дому подъезжал служебный «Москвич». Молодой водитель выходил из машины, почтительно открывал дверь, терпеливо ждал, пока Людмила удобно устроится на сиденье, и лишь затем мягко закрывал её и осторожно трогался с места.

В те годы служебный автомобиль был не просто удобством. Он служил безмолвным свидетельством того, что человек занимал в городе далеко не последнее место.

В том, что родители занимали далеко не последнее место в районной иерархии, Ирина Сорокоумова уже давно не сомневалась. Официально их называли руководителями, а в народе говорили проще — большие шишки.

С каждым годом она все отчетливее ощущала, что к ней относятся иначе, чем к остальным ученикам. В младших классах Ирина была одной из многих, но чем старше становилась, тем заметнее менялось отношение учителей. Ее чаще хвалили, ставили в пример, охотнее прощали мелкие промахи.

Особенно усердствовал директор школы Иван Петрович Шагов. Не проходило и пары недель, чтобы он, встретив Ирину в коридоре, не попросил передать родителям привет и пожелания здоровья. Поначалу она исправно выполняла эти поручения. Но отец с матерью лишь равнодушно кивали, словно речь шла о совершенно постороннем человеке. Вскоре Ирина перестала быть посредником — поняла, что директорские приветствия никому, кроме самого директора, не нужны.

Вообще равнодушие постепенно становилось ее привычным состоянием. Ее не волновали громкие лозунги, стройки века, рекорды пятилеток и даже очередной полет советских космонавтов. Все это существовало где-то далеко, не имея никакого отношения к ее жизни.

Лишь один человек сумел нарушить это безразличие.

Его звали Иван Лейкин.

Он появился в школе, когда Ирина училась в девятом классе.

До этого она ни разу по-настоящему не влюблялась. Учителя были слишком взрослыми, почти ровесниками ее родителей, а среди одноклассников, несмотря на симпатичные лица, она не видела никого, кто казался бы ей достойной партией.

Еще совсем юной Ирина усвоила простую истину: любовь любовью, а жизнь требует достатка. Большинство ее сверстников росли в

семьях, где каждая покупка становилась событием. Она не считала себя богаче остальных, но прекрасно видела разницу.

Почти каждый вечер родители приносили домой что-нибудь дефицитное: коробку хороших конфет, импортные сапоги, красивую кофту или продукты, за которыми другие простаивали часами в бесконечных очередях.

Они никогда не возвращались с авоськами, наполненными полугнилой картошкой или синеватым мясом. На их столе всегда появлялось свежее, чистое и вкусное.

Увидев очередные покупки, Ирина оживлялась. Она с удовольствием примеряла обновки, пробовала сладости, а уже на следующий день появлялась в школе в новой одежде.

Подруги провожали ее завистливыми взглядами. Парни — заинтересованными.

Но все изменилось в тот день, когда в класс вошел Иван Лейкин.

Он появился сразу после звонка вместе с директором школы. Шагов заметно волновался. Прокашлялся, машинально провел ладонью по своей блестящей лысине и торжественно объявил: — Ребята, сегодня у нас особенный день. В вашем классе будет учиться новый ученик... Иван Лейкин.

Класс встретил новость молчанием.

Директор замялся. Видимо, такого приема он не ожидал.

Набрав полную грудь воздуха, он произнес уже с особым нажимом:

— Сын первого секретаря райкома партии товарища Лейкина.

Однако и эти слова не произвели ожидаемого впечатления.

Двадцать старшеклассников продолжали спокойно смотреть на директора.

На лице ветерана Великой Отечественной войны промелькнуло беспокойство. Он растерянно поднял руки, словно призывал аудиторию к порядку, и громко сказал:

— Прошу любить и жаловать... Ивана!

На мгновение он запнулся, будто собирался назвать отчество, но передумал.

— Добро пожаловать в нашу школу!

Он первым захлопал в ладоши.

В ответ класс нехотя поддержал его жидкими аплодисментами.

Лишь одна Ирина хлопала искренне и долго.

Высокий стройный юноша с густыми русыми волосами понравился ей с первого взгляда. Было в нем что-то спокойное, уверенное, почти взрослое.

Настоящим подарком стало то, что Иван сам выбрал место рядом с ней.

Машу Гурову пересадили за первую парту. Ирина ничуть не сожалела. Особой дружбы между ними никогда не было.

Она украдкой поправила волосы, расправила юбку и улыбнулась новому соседу.

Сама Ирина считала себя красивой. Светлые волнистые волосы, правильные черты лица, длинные стройные ноги — своими

достоинствами она умела пользоваться. Юбки становились чуть короче, походка — чуть увереннее, а взгляды мальчишек задерживались на ней все чаще.

Иван ответил ей вежливой улыбкой и спокойно приготовился к уроку.

В тот день Ирина не пыталась завязать разговор. Она внимательно слушала учителей, лишь изредка украдкой поглядывая на соседа.

За несколько уроков она успела заметить одну любопытную деталь.

Лейкин не изображал из себя важную персону. Он внимательно слушал объяснения, быстро схватывал новый материал, уверенно отвечал на вопросы и производил впечатление человека не только воспитанного, но и действительно умного.

Это заинтересовало Ирину еще сильнее.

Педагогический коллектив средней школы был, что называется, возрастным. Молодые учителя появлялись здесь почти каждый год, но надолго не задерживались. Одни находили работу в городе, другие ссылались на семейные обстоятельства, третьи просто не выдерживали деревенской жизни. Так или иначе, школа

постепенно старела вместе со своими преподавателями.

Директор школы, Иван Петрович Шагов, давно перешагнул семидесятилетний рубеж, однако о пенсии даже слышать не хотел. Работа стала для него не только привычкой, но и необходимостью. Зарплата директора была вполне достойной, однако денег в семье постоянно не хватало.

Жена, с которой они почти сорок лет назад после окончания педагогического института приехали работать в небольшую деревню Алексеевку, а позже перебрались в районный центр, недавно вышла на пенсию. Вместе с заслуженным отдыхом пришли болезни, требовавшие постоянного лечения и немалых расходов. Двое взрослых детей жили в Омске. Им уже перевалило за сорок, но они по-прежнему охотно принимали помощь родителей. Нужно было выплачивать кредит за трехкомнатную квартиру, затем появились расходы на недавно купленный автомобиль. Шагов никогда не жаловался — просто молча продолжал работать. Ирина Сорокумова никогда не интересовалась биографией директора и тем более не участвовала в школьных пересудах. Она считала, что между учениками и учителями должна существовать определенная дистанция.

Все новости о педагогах ей рассказывала одноклассница Маша Гурова, отец которой работал бухгалтером на колхозном рынке и, казалось, знал обо всех событиях района. Что из услышанного было

правдой, а что — обычными деревенскими выдумками, Ирина никогда не выясняла. Родителей она тоже не расспрашивала: дома не любили обсуждать чужую жизнь.

Лишь спустя неделю после начала учебного года Ирина и Иван Лейкин познакомились немного ближе.

Повод оказался самым обычным — большая двадцатиминутная перемена.

Едва прозвенел звонок, Иван вышел во двор школы. В руках он держал прозрачный пакет с нехитрым завтраком. Пройдя в школьный сад, парень устроился на старой деревянной скамейке, стоявшей в тени раскидистой яблони.

День выдался удивительно теплым для конца сентября. Солнце щедро заливало сад мягким золотистым светом. Иван неторопливо разложил свой обед: несколько ломтиков сервелата, булочку с маслом и бутылку лимонада.

Минут через десять в сад вошла Ирина.

Она вовсе не собиралась обедать. Перед школой плотно позавтракала дома, а на перемене успела выпить стакан компота и съесть небольшой бутерброд в школьном буфете. Просто захотелось немного пройтись и подышать свежим воздухом.

Увидев девушку, Иван заметно удивился.

За несколько учебных дней он уже привык к тому, что одноклассники старательно держатся от него в стороне. Никто никогда не садился рядом на длинную скамейку, хотя места на ней вполне хватило бы еще троим или четверым.

Причину такого поведения он понимал.

Все знали, что Лейкин — сын одного из самых влиятельных руководителей района. Почти каждое утро к школьному крыльцу его привозила черная «Волга» ГАЗ-24. Остальные ученики приходили пешком.

Так же, как и большинство учителей. Пожилая преподавательница русского языка Нина Петровна Алёхина медленно шла в школу, тяжело опираясь на старенькую трость. Возраст и больные ноги давно стали ее постоянными спутниками.

Ирина тоже была дочерью руководящих работников районного центра Аксеново. Правда, положение ее родителей было куда скромнее, поэтому особого пиетета перед громкими должностями она не испытывала.

Подойдя к скамейке, девушка лукаво улыбнулась и без всякого приглашения села рядом.

— Лейкин, — с улыбкой сказала она, — я уже несколько дней наблюдаю, как ты беззастенчиво занимаешь мой трон.

Иван поднял глаза и вопросительно посмотрел на нее.

— Надеюсь, ты не станешь возражать, если законная хозяйка вернет себе место?

Парень рассмеялся, поднялся со скамейки и с нарочитой галантностью сделал приглашающий жест.

— Да пожалуйста. Хоть всю скамейку забирай. Ради такой особы я и постоять могу.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Ирина искренне рассмеялась. На ее лице вспыхнула открытая, теплая улыбка.

— Ну нет, геройствовать не надо, — сказала она, слегка хлопнув его по плечу. — Садись. Мне просто захотелось проверить, умеешь ли ты шутить.

Иван улыбнулся уже без прежней скованности.

Они обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами, а затем школьный звонок возвестил об окончании перемены.

Ирина первой поднялась и, махнув рукой на прощание, быстрым шагом направилась к зданию школы.

Эти двадцать минут пролетели для нее почти незаметно.

Тогда она еще не знала, что именно этот короткий разговор станет началом новой главы в жизни обоих.

Им казалось, что судьба просто свела двух молодых людей.

Но время покажет: каждый из них шел к этой встрече со своими, тщательно скрываемыми намерениями. И далеко не все чувства, которые вскоре возникнут между ними, окажутся такими

простыми и искренними, какими выглядели в тот теплый сентябрьский день.

Октябрь вступил в свои права. Для огромной страны, называвшейся Советским Союзом, это было время напряженной уборочной страды. Сибирь не стала исключением. Девятиклассников районной школы отправили помогать селу — убирать картофель неподалеку от Аксеново.

Деревушка Бычки встретила ребят тихой красотой. Она раскинулась на берегу большого озера, носившего то же название.

Осенний воздух был прозрачен и свеж, березы уже начали сбрасывать золотую листву, а по утрам над водой стелился густой туман.

После работы школьники были предоставлены сами себе. Одни брали лодки и уходили рыбачить, другие подолгу сидели на берегу, любясь закатом. Купаться уже никто не решался — вода стала ледяной.

По вечерам в старом, покосившемся сельском клубе местный киномеханик почти ежедневно показывал фильмы. Однако городские ребята заглядывали туда редко. Их уже мало интересовали старые киноленты. В семнадцать лет мысли все чаще обращались к будущему, которое казалось одновременно близким и непостижимым.

О будущем все чаще думала и Ирина Сорокоумова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.